

Пряником в офсайд

Почему призыв «подняться» не решит проблемы левых центристов, а только углубит их

«The world as it is, is not the world as it should be» (Мир не таков, каким должен был бы быть), – произнес однажды Барак Обама. Он не может оставаться таким, каким есть. Неудовлетворенность разрывом между реальной и желаемой ситуацией является движущей силой всей прогрессистской политики. Нужны прогресс, обновление, изменение. Общее стремление, объединяющее всех сторонников прогрессивизма, улучшение сложившейся ситуации – всегда будут возможности обеспечить возможность для всех людей на достойную жизнь, а не довольствование тем, что есть. Больше свободы, справедливости и шансов на лучшую жизнь для всех, меньше неравенства и эксплуатации, больше реальной демократии и общественного либерализма, меньше расизма и дискриминации, все усилия – на предотвращение глобального экологического и климатического коллапса. Вне сомнения, всегда будут существовать различные мнения относительно приоритетов, стратегии и инструментов. Но основополагающие цели и ценности вряд ли нуждаются в особых спорах или столкновении противоречивых мнений.

В XXI веке под угрозой оказались фундаментальные принципы свободы, справедливости и солидарности. Причем степень этой угрозы чрезвычайно высока. К власти не только в Соединенных Штатах пришел вирулентный правый авторитаризм. Вот и в некоторых европейских странах, отчасти буквально рядом с нами – в Польше, Австрии, Венгрии Румынии, Италии, Чехии – авторитарные движения в качестве правящих или принимающих участие в управлении страной партий за прошедшее время глубоко въелись в государственные и административные структуры с четко задекларированной целью: взломать эти структуры правового государства и свободы изнутри и покончить с ними. И буквально растлители либеральной демократии везде могут положиться на активную поддержку авторитарного клептократического режима Владимира Путина. Таким образом, положение чертовски сложное, и снаряды рвутся все ближе. Возможно, лишь результаты трех

выборов в земельные парламенты Саксонии, Тюрингии и Бранденбурга в следующем году будут способствовать росту осознания такого положения и в Германии. А возможно, и последние события в Хемнице помогут уяснить, насколько серьезно реально сложившееся положение.

В этой ситуации все попытки сузить СДПГ до мнимого предпочтения проблемы структурно обусловленного сокращения количества специалистов рабочих профессий мужского пола в западных федеральных землях могут осуществляться только при условии включения на полную силу обратной передачи

На этом фоне, если исходить из общей перспективы прогрессистского восприятия событий, на первый взгляд может показаться, что стоит приветствовать любое движение, способствующее мобилизации большего количества людей в пользу обновления и восстановления демократии свободы и социальной справедливости. Такая практическая мобилизация нынче играет решающую роль. Ведь те, кто в самой Германии так или иначе не в состоянии смириться с существующей диспропорцией между действительностью и ситуацией, комфортной для жизни всех людей (в зависимости от способа подсчета), вполне возможно составляют расплывчатое общественное большинство, но все же не в состоянии бросить на чашу весов большинство, способное к организации политических процессов. Все, что дает надежду на повышение веса и способности воплощать задуманное в жизнь этих сил, может лишь от всей души приветствоваться сторонниками прогрессивизма всех оттенков.

Сильные союзники особенно нужны германской социал-демократии. Конечно же, все усилия социал-демократов, направленные на обновление собственной партии, чтобы сделать ее тем самым более привлекательной и крепкой, целесообразны и верны. Партии всегда стоят перед выбором: либо соответствовать постоянно изменяющейся ситуации, либо потерять влияние и вес: Adapt or die, в действительности не такой уж и новый принцип. Однако упадок немецкой и европейской социал-демократии длится довольно долго и обусловлен в первую очередь структурными причинами – в том числе и внешними изменениями в экономике и технологиях, коммуникации и политической культуре, на которые

сама партия едва ли может повлиять.

Согласно опросам, СДПГ в Германии стабильно находится на уровне поддержки в 20%, и даже самые успешные ее «обновленцы» не смогут помочь ей восстановить свою былую мощь. В качестве сформировавшегося в течение долгих десятилетий политического и культурного «фирменного знака» социал-демократия нынче попросту не стыкуется с диффузным общим настроением в обществе, которое в целом, очевидно, не усматривает особой ценности в том, чтобы иметь политическое представительство в лице двух крупных партий справа и слева от «центра», а также горсткой более мелких формирований, обеспечивающих соответственно большинство. С момента взлета популярности АдГ в качестве *social movement from hell* партийная система в Германии достигла точки, после которой возможность возврата к некогда привычной ситуации попросту исключена.

В такой ситуации все попытки сузить СДПГ до мнимого предпочтения проблемы структурно обусловленного сокращения количества специалистов рабочих профессий мужского пола в западных федеральных землях могут осуществляться только при условии включения на полную силу обратного хода. Искушение подобным ретрокурсом велико. Но там, где во имя мнимого «левого реализма» (Нильс Хайстерхаген) сметается со стола глубоко социал-демократическое по своему духу послевоенное исповедование ценностей интернационализма и открытости навстречу всему миру, европейского единства и общественного либерализма как ослепление «постмодернистским» «неолиберальным» «ультраморализмом» «постмодернистского» «неолиберального» «столичного истеблишмента» (*et cetera pp*), неправильно истолковываются, вытесняются или забываются и вещи, весьма существенные для благополучия самой СДПГ.

Нужно ли напоминать, что социал-демократия в ФРГ обязана всеми своими успехами способности сколачивать плюралистические коалиции избирателей из совершенно различной социальной среды и с разными убеждениями? (Или, как всегда только в качестве примера, разве не удалось Олафу Шольцу не так давно добиться абсолютного большинства в переживающей настоящий бум метрополии под названием «Гамбург»?)

Нет, в Германии никого не принуждают высоко ценить открытость миру и либерализм – *it's a free country, after all*. Но тот, кто всерьез полагает, что СДПГ может снова встать на путь успеха лишь путем отречения – или даже борьбы – от открытости и общественного

либерализма, тот отправляет партию напрямик в сектантский тупик. Карл Адам совершенно справедливо констатировал: «Робкая и колеблющаяся стратегия подстраивания под правых популистов никогда не лишит их попутного ветра и в конечном счете лишь поспособствует утверждению и упрочению установленных ими шаблонов истолкования». Противопоставлять принципы свободы и социальной справедливости – самая сумасбродная идея, которая могла бы прийти в голову социал-демократам в условиях переживаемого ими нынешнего кризиса.

Но ясно и то, что ситуация скверная, а бремя страданий – все тяжелее, и в какой-то момент времени появляется соблазн в виде мнимой панацеи от всех бед. Ввиду длительного бедственного положения СДПГ в связи с сокращением ее численности не является сюрпризом появление то тут, то там, в функции мессии доктора Айзенбарта, уверенным тоном провозглашающего, что только его радикальный чудодейственный рецепт может излечить партию от ее болезни. Конечно, социал-демократам не стоит наперед отмахиваться от какой бы то ни было идеи. Но одновременно нужно просчитывать последствия и одновременно задавать себе вопрос, а способны ли соответствующие предложения расширить возможности и диапазон влияния прогрессистских союзов в обществе и политике. Иными словами: тому, кто, как и социал-демократия, срочно нуждается в новых прогрессистских союзах, не следовало бы формулировать критерии отбора, которые фактически лишь углубляют раскол внутри самой партии с ее электоратом, а также между СДПГ и важными потенциальными партнерами.

Так, например, Петер Брандт в своей статье [demokratisches-obshchestvo statja show nam-nuzhno-levoe-ehkumenicheskoe-edinstvo-604](#) «Нам нужно левое экуменическое единство» при оценке партии зеленых приходит к выводу, что они «приспособились к неолиберальному мейнстриму» и «скорее нагнетают обстановку в отношениях с Россией в смысле идеологии “западного сообщества ценностей”». Вот так характеристика! Кому с такой неумолимой точностью удастся одним-единственным предложением одновременно оскорбить незаменимого для создания эффективных прогрессистских союзов (да к тому же еще и повышающего свой политический рейтинг) партнера, позабыв при этом о традициях приверженности свободе и правам человека собственной партии, тому в конечном счете реальное «экуменическое единство» на самом деле не столь и важно. Или же важно, но на собственных условиях. А потому в принципе совсем не имеет значения.

То же касается и Сары Вагенкнехт в качестве основательницы и режиссера нового политического движения «Вставайте» с ее национал-социалистской окраской и уже по одной этой причине крайне антипрогрессистской по своему характеру. Вагенкнехт явно не беспокоится об объединении, «сплоченности», интеграции либо в целом укреплении позиций общественных и политических сил и движений, расположенных слева от «центра». Не случайно в собственной партии понимают глубинные цели, продиктованные желанием политической власти, которые преследует Вагенкнехт, значительно лучше, нежели в некоторых скорее легковверных социал-демократических кругах. На самом деле ситуация внутрилевой партии, деятельность которой заблокирована расхождениями относительно политической ориентации, довольно запутанная. Вагенкнехт в течение нескольких лет не удается добиться поддержки своего политического проекта большинством в партии. Дело не движется ни вперед, ни назад. А потому отныне с помощью имитации народного движения «Вставайте» предстоит «собрать воедино» всех полезных людей вне партии левых сил, чтобы оказать давление на волеизъявление в ней и добиться наконец сдвига во внутреннем раскладе сил в пользу крыла Вагенкнехт.

Может быть, Вагенкнехт действительно вообразила себе, что с партией левых, которая держится ее курса, ей удастся переманить обратно избирателей из лагеря АДГ. Но вероятность этого невысока, как продемонстрировал недавно всколыхнувшийся все сигнал из Хемница. Но вне зависимости от того, удастся достичь успеха или нет, с абсолютной уверенностью можно сказать, что такая «левая» партия в духе Вагенкнехт меньше всего хоть как-то могла бы претендовать на статус прогрессистской партии. Она оказалась бы не на той стороне линии, которая очерчивает принципиально важный общественный конфликт нашего времени между свободной демократией и авторитаризмом, между открытостью и изоляцией или отгораживанием.

А теперь вернемся к исходному пункту беседы. Да, положение серьезное, на карту поставлено много. Именно потому так важно, чтобы новые левоцентристские прогрессистские блоки в политике и обществе нашли общий язык. Ибо ни ослабленные социал-демократы, ни усилившие свои позиции зеленые, ни свободные демократы с их социально-либеральной ориентацией, ни демократически настроенные социалисты или открытые навстречу миру христианские демократы поодиночке не в состоянии обуздать волну авторитаризма, которая с нарастающей силой катится навстречу им. Если эти и другие силы стремятся к объединению ради действенности, им придется проявить в общении друг с другом

совершенно определенные «прогрессистские вторичные добродетели». К ним принадлежат великодушие, доброжелательность и дружелюбие, а также неременная воля к сотрудничеству и компромиссу ради ценности высшего порядка, защита которой нынче должна стать делом первейшей важности для всех прогрессистов. Если кто-то сомневается – речь о свободе.

Читайте противоположные мнения в статьях Людгера Фольмера и Петера Брандта

Тобиас Дюрр
Берлин

Д-р Тобиас Дюрр (Tobias Düring) – председатель и инициатор создания «Прогрессивного центра», политолог, публицист, автор книг, спичрайтер и консультант по политическим вопросам. С 2001 года работает в должности главного редактора журнала Berliner Republik. До этого – преподаватель университета, а также редактор политического отдела и отдела эссе еженедельной газеты Die Zeit.